

ЮРИЙ ЦВЕТКОВ

ЩЁЛК
ТЫСЯЧИ
МИРОВ

Юрий Цветков

Шёлк тысячи миров

<https://litres.ru/74108464>

SelfPub; 2026

Аннотация

Город Чанъань, столица империи династии Тан в период её расцвета. Юная вышивальщица Линь Мэйхуа обладает редким даром: она слышит голоса нитей и видит ауру шёлка. Когда император приказывает ей создать магический узор «Нити Судьбы» — древо, способное открыть врата в Тысячу миров, — Линь соглашается. Цена велика: свобода её сосланного отца. Но чтобы врата распахнулись, нужны живые якоря. И главный из них — согдийский купец Фархад, которого Линь полюбила на Великом шёлковом пути два года назад. Теперь каждый её стежок убивает любимого. Остановить работу нельзя — за ней следят шпионы императора. Остаётся одно: сплести собственную жизнь вместе с его жизнью в узел взаимного обета. А может, единственный шанс — разрушить всё, что она создала, иглой, пропитанной кровью двух сердец.

Содержание

ШЁЛК ТЫСЯЧИ МИРОВ.	4
Глава 1. Мастерская «Небесный узор».	5
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Юрий Цветков

Шёлк тысячи миров

ШЁЛК ТЫСЯЧИ МИРОВ.

Содержание.

Глава 1. Мастерская «Небесный узор».

Глава 2. Встреча на Шелковом пути.

Глава 3. Кровь на «Лунном стекле».

Глава 4. Евнух теней.

Глава 5. Шёпот в гранатовых цветах.

Глава 6. Союз Дыханий.

Глава 7. Дворец Великого Сияния.

Глава 8. Два сердца на краю земли.

Эпилог.

Глава 1. Мастерская «Небесный узор».

Раннее летнее утро вставало над Чанъанем мягко, как шёлковая ткань, которую осторожно расправляет лёгкий ветерок. Город ещё спал, но спал чутко, готовый вот-вот распахнуть тысячу глаз. Над крышами дворцов, покрытых зелёной и серой черепицей, небо только начинало светлеть — из густо-синего превращаться в бледно-голубое, с розовыми прожилками на востоке. Тени лежали длинные, синие, и воздух был прозрачен и прохладен, как родниковая вода.

Чанъань, великая столица Поднебесной, раскинулся на много ли вокруг. С высоты императорского дворца он казался гигантским прямоугольником, расчерченным прямыми улицами на ровные кварталы. Рынки спали, лавки были закрыты, и только дымок от первых печей, где пекли лепёшки, тонкими столбиками поднимался к небу. В садах цвели пионы — тяжёлые, влажные от росы. Их запах смешивался с ароматом нагревающейся земли и древесного угля, на котором городская стража грела утренний чай. Чанъань просыпался не спеша, с достоинством столицы мира, где сходятся все дороги Шёлкового пути. Он потягивался, как огромный зверь, и в его потягивании уже угадывался будущий шум, гам, крики торговцев, звон монет, скрип вьюков — вся тыся-

чеголосая суэта, которая через час заполнит улицы до краёв. А пока ещё было утро, но в нем уже чувствовалось обещание дня: жаркого, пыльного, полного событий, которые ещё не случились, но уже дышали за каждым углом.

Линь Мэйхуа стояла на коленях перед низкой рамой из чёрного дерева. Ей было восемнадцать лет, но пальцы её помнили тысячу стежков — от тех, что вышивают императрицам на свадебные наряды, до тех, что вплетают в погребальные саваны молитву о возвращении души. Она была младшей среди придворных вышивальщиц, но уже той, про которую старшие мастерицы говорили шёпотом: «Она слышит шёлк».

Утро только начиналось. Солнце едва коснулось карниза крыши, и первые лучи упали на её работу — неоконченное полотно с пионами и цаплями. Для обычного взгляда это была просто красивая вышивка: лепестки, перья, тени. Но Линь смотрела глубже — сквозь узор, сквозь ткань, и видела не цветы и птиц, а тысячи переплетённых волокон, каждое из которых жило своей жизнью. И она чувствовала, что главное для неё — это память пальцев, тайное знание, которое нельзя передать словами. Свет скользнул по шёлку, и Линь услышала, как тот отозвался почти неслышным для постороннего уха пением. И каждая нить в нем имела свой голос.

Красный шёлк из Чэнду пел низко и влажно, как струна цитры после дождя. Золотая нить — подарок корейского посольства — звенела тонко и надменно, точно юная госпожа,

требующая поклонения. А вот грубая конопляная нить, которую она вплетала в основу для прочности, лишь хрипло дышала, как старый носильщик у подножия горы.

Линь закрыла глаза и улыбнулась. Внутри неё, там, где обычные люди слышат только тишину, звучала тихая, ровная гармония. Голоса нитей — нежные, как шепот струн под пальцами невидимого музыканта — сплетались в утреннюю песню без единой тревожной ноты. Ни одна нить не дрожала, не сбивалась с тона. Это было похоже на гладь пруда, в котором отражается неподвижное небо. Но вдруг железные ворота открылись с протяжным, грубым стоном, и этот звук сразу же разрушил и хрустальную тишину тихого утра, и безмятежную умиротворенность в душе Линь, наполнив её безотчетной тревогой.

Линь положила иглу на специальную подставку из оленьего рога — положила так, чтобы остриё смотрело на юг, иначе нити обидятся — и вышла наружу.

Она узнала шаги ещё до того, как увидела фигуру вошедшего во двор мастерской человека. Вэй Чжун никогда не ходил так, как ходят обычные люди. Его шаги были беззвучными на коврах и гулками на каменных плитах, но всегда одинаковыми по длине, словно это были не шаги живого человека, а мерные удары монастырского колокола. Да, это был сам Вэй Чжун — «Великий муж блистательного преуспевания» — таков был его официальный статус при императорском дворе — советник императора по неожиданным и чрезвычай-

ным делам. На пурпурном шёлковом халате Вэй Чжуна был вышит золотистый фазан — знак его высокого ранга, а чёрная шапочка футо на его голове была такой особенной формы, повторять которую не имел права ни один чиновник более низкого положения. Рядом с ним шли два молчаливых стражника в лёгких кожаных доспехах, а следом за ним один из придворных евнухов нёс в руках шкатулку из камфорного дерева с серебряной застёжкой.

— Мастерница — голос важного чиновника, обращённый к Линь, был высок, но не пронзителен — скорее, он был как звук натянутой струны, которая вот-вот лопнет, — собери остальных.

В мастерской «Небесный узор» работало двенадцать вышивальщиц. Каждая отвечала за свой вид шёлка и свой узел. Старшая — госпожа Лу, чьи брови поседели от пятидесяти лет работы, — вышла из боковой комнаты с лицом, похожим на пергамент, с которого стёрли все иероглифы. Другие мастерницы собирались молча, застёгивая на ходу широкие рукава и поправляя шпильки в волосах, потому что перед чиновником императорского двора положено было выглядеть скромно, но опрятно.

Вэй Чжун дождался, пока все выстроятся полукругом, и только тогда — с церемониальной медлительностью человека, который привык, что время ждёт его, а не наоборот, — открыл шкатулку.

Внутри лежал свиток. Пергамент был пепельно-серого

цвета и пах пылью храма, который простоял тысячу лет и рухнул накануне. Края свитка обуглились, и кое-где уцелели клинописные знаки, каких Линь никогда прежде не видела. Ей показалось, что они шевелятся, как муравьи на раскалённой сковороде.

— Приказ его величества императора, Сына Неба, — произнёс Вэй Чжун, и его глаза — маленькие, чёрные, как семена кунжута, — скользнули по лицам вышивальщиц.

— Мастерская «Небесный узор» должна создать полотно, какого не было со времён Жёлтого императора. Оно называется «Нити Судьбы».

Госпожа Лу сделала шаг вперёд, словно пытаясь заслонить собой младших мастериц.

— Мы слышали о таком, — голос её был низок для женщины, почти мужской. — Легенды говорят, что «Нити судьбы» соединяют мир людей со всеми мирами под небом. Но чтобы вышить такой узор, мало знать легенды, господин министр.

Вэй Чжун кивнул — не ей, а скорее самому себе, подтверждая своё терпение.

— Кроме свитка, у меня есть устное наставление от повелителя. Узор должен быть выполнен в виде дерева с тысячей ветвей. Каждая ветвь — путь. Один путь ведёт к духам предков, другой — к драконам Восточного моря, третий — к западным землям, что за горами Тянь-Шаня. Дальше — миры, которых вы не знаете. Их тысячи. Император желает,

чтобы империя Тан имела ключ ко всем мирам.

Он сделал паузу.

— Кто возьмётся за эту работу?

Тишина стала другой. Линь почувствовала, как нити в её рабочей корзине зашевелились — испуганно, как мыши, почувывшие кошку. Золотая нить умолкла. Красный шёлк запел тонко и жалобно, словно прощаясь.

Мастерицы молчали.

Госпожа Лу медленно покачала головой. Её лицо побелело ещё сильнее, и Линь поняла: старшая знает больше, чем говорит. Знает о том, что «Нити Судьбы» требуют не просто мастерства, а крови, жизни и самой души вышивальщицы.

— Такая работа убьёт того, кто её создаст, — наконец сказала госпожа Лу. — Я стара, господин евнух. Моя жизнь не стоит императорской милости. Но я не отдам ни одну из моих девочек на эту... эту вышивку смерти.

Вэй Чжун улыбнулся той улыбкой, которую носят на лице люди большой власти — губами, но не глазами.

— Его Величество, Сына Неба не требует ничьей смерти, госпожа Лу. Он требует узора. А награда за исполнение его воли будет такой, какой не было со времён основания династии. Тот, кто создаст «Нити Судьбы», может попросить у трона всё, что захочет. Всё.

Он повернулся и посмотрел прямо на Линь.

Почему — Линь не знала. Может быть, потому что она не отвела от него глаз, когда другие опустили взгляды. А может

быть, Вэй Чжун просто видел в ней ту, у кого есть причина желать невозможного.

Линь вспомнила отца.

Он был при дворе мелким чиновником пятого ранга. Достаточно важным, чтобы попасть в поле зрения интриг, и достаточно ничтожным, чтобы стать жертвой. Его обвинили в краже императорской печати, которой он никогда не касался. Сослали на северную границу, в земли, где даже шёлк не спасает от холода — там нужны только меха и молитвы.

Отец писал ей письма. Редко — по три в год, когда удавалось передать с караваном. Бумага была грубой, тушь расплывалась от сырости, но иероглифы стояли ровно: «Не проси за меня, дочь. При дворе такие вещи не прощают. Живи».

Линь помнила, как отец учил её различать нити. «Смотри, Мэйхуа, — говорил он, держа в морщинистых пальцах моток легкого шёлка, — каждая нить — это чья-то судьба. Ты не просто вышиваешь. Ты связываешь людей. Помни об этом».

Он не знал, что она слышит голоса нитей. Никто не знал, кроме неё самой. Это было её маленькое чудо — и её проклятие.

— Я сделаю это, — сказала Линь.

Госпожа Лу резко обернулась, и в её глазах был ужас, который старая женщина не пыталась скрыть. Но Линь не смотрела на неё.

Вэй Чжун снова улыбнулся, на этот раз — почти тепло.

— Твоё имя, мастерица?

— Линь Мэйхуа, — ответила она. И добавила, глядя на шкатулку со свитком, где шевелились согдийские знаки и пахло пылью рухнувших храмов: — Мне понадобится перевод. Согдийский — не язык цветов и узоров.

— Перевод будет, — кивнул Вэй Чжун. — Завтра на рассвете к тебе придёт учёный монах из Западных земель. Он прочтёт пергамент и объяснит, какие узоры требуются. Но запомни, Линь Мэйхуа: император не любит ждать. И он не прощает тех, кто разочаровывает его.

Он оставил шкатулку на столике из красного дерева хунму, поклонился — формально, больше стенам, чем вышивальщицам — и удалился. Стражи шагнули за ним, железные наконечники копий сверкнули в лучах утреннего солнца.

Тишина вернулась, но она уже не была мягкой. Она была колючей, как нить из верблюжьей шерсти, и звучала в ней одна нота — та, которую Линь слышала только один раз в жизни, когда хоронила мать. Печаль.

Госпожа Лу подошла к Линь, взяла её за подбородок, заставила поднять лицо.

— Ты знаешь, что это значит? — спросила она шёпотом, так, чтобы другие мастерицы не слышали. — «Нити судьбы» — это не работа. Это жертва. Каждый стежок будет отнимать у тебя частицу жизни. Если ты завершишь узор, ты... ты не будешь жить долго, девочка. Ты вообще можешь не закончить его. Ты умрёшь за вышивкой, как те ткачихи из древ-

них сказаний, которые купили бессмертие для императоров ценою своего дыхания.

— Я знаю, — сказала Линь.

Она действительно знала. Она слышала это в золотой нити, когда та умолкла. Она чувствовала это в шёлке, который вдруг стал тяжёлым, как шерстяная ткань.

— Тогда зачем? — спросила госпожа Лу.

Линь посмотрела на север, где за стенами дворца, за крышами Чанъаня, за горами и реками лежали холодные земли, где её отец каждое утро вставал в бараке, который продувало всеми ветрами Шёлкового пути.

— Моя семья распалась по нитям, госпожа Лу, — тихо ответила она. — Мой долг — собрать её обратно. Даже если игла, которой я шью, войдёт мне в сердце.

Она взяла со стола шкатулку и отнесла к себе — в маленькую комнатку с одним окном, выходящим во внутренний дворик. Там она открыла крышку и коснулась пергамента кончиками пальцев.

И услышала, как согдийский свиток поёт.

Это была песня не на её языке, но она поняла её. Словно нити сами переводили древние знаки. «Тысяча миров ждёт своего шёлка. Тысяча дорог ждёт своей иглы. И только одна вышивальщица ждёт мгновения, когда её возлюбленный умрёт на конце нити, которую она вплетёт в судьбу».

Линь в страхе отшатнулась.

Она не знала тогда, к кому относилось это пророчество.

Она не знала, что возлюбленный, которого она встретит на Шёлковом пути, уже идёт в Чанъань с караваном верблюдов, гружённых самаркандскими коврами и персидской бирюзой.

Игла ещё не коснулась ткани. Но нити уже пели свою песню.

На следующее утро Линь проснулась за час до рассвета — от собственного беспокойного дыхания. Оно было слишком частым, словно она всю ночь бежала по Шёлковому пути. Ладони горели. Она поднесла их к глазам — ни порезов, ни царапин, но кожа под ногтями отливала странным золотистым цветом, как у тех нитей, что красят пылью хризантем.

Она одевалась быстро, словно боясь опоздать. Надела простой рабочий халат цвета небелёного шёлка — такие носят вышивальщицы, чтобы яркие ткани не отвлекали взгляд. Поверх него — передник из тёмно-синей парчи, на котором капли воска и следы игл оставили свои узоры, словно карту звёздного неба. Волосы, длинные и чёрные, как ночь без луны, она собрала в тугой узел на затылке и закрепила черепаховой шпилькой — единственным украшением, которое досталось от матери.

Отражения в бронзовом зеркале было достаточно, чтобы увидеть: лицо её побледнело за ночь. В нём появилась та бледность, которая отмечает людей, взявших на себя тя-

жёлое обязательство, не измерив его глубины. Только глаза остались прежними — тёмными, пронзительными, с золотистыми искрами на радужках. Глаза, которые видели то, что для других было незримо. Дар. Или проклятие. Она до сих пор не знала.

В мастерскую она вошла, когда солнце только тронуло верхушки кипарисов.

Госпожа Лу уже сидела за своей рамой, но не работала — перебирала мотки шёлка, раскладывая их по цветам: пять основных, как требовала древняя мудрость. Синий, красный, жёлтый, белый, чёрный. Старшая мастерица посмотрела на Линь долгим испытующим взглядом и спросила:

— Ты спала хоть немного?

— Достаточно, — соврала Линь, невольно опустив глаза.

— Ложь портит нити, — тихо сказала госпожа Лу. — Когда вдеаешь ложь в ушко иглы, шёлк начинает путаться. Я учила тебя. Никогда не работай с тяжёлым сердцем и никогда не ври тем, кто работает с тобой рядом.

Старшая была права. Линь опустила голову. Она села на своё место и открыла шкатулку.

Свиток всё ещё лежал внутри, на подушке из фиолетовой парчи. Ей показалось, что он дышал, как спящий зверь. Линь коснулась его пальцем и почувствовала тепло. Живое тепло.

Ровно в шесть часов утра — когда монахи в сотне храмов Чанъаня начинали утреннюю службу — в дверь мастерской постучали.

Вошедший выглядел совсем не таким, каким ожидала его увидеть Линь. Вэй Чжун говорил об «учёном монахе из Западных земель», а перед Линь стоял человек, чья одежда была китайской — тёмно-серый халат с длинными широкими рукавами, подпоясанный верёвкой из конопли. Он был лет пятидесяти, с лицом, изрезанным морщинами, как карта давно забытых дорог.

— Меня зовут Сюаньцзан, — сказал он, и его голос был низок, как звук барабана в пещере. — Я не тот великий путешественник, который носил до меня это имя, но я шёл по его следам.

Я — переводчик с согдийского и сирийского языков, а также с языка огня.

— Языка огня? — переспросила Линь.

Пришедший улыбнулся — одними уголками губ, не открывая зубов.

— Зороастрийского, дитя. Языка, на котором написаны молитвы в храмах, где вечный огонь не гаснет уже тысячу лет. Твой свиток — с того самого алтаря, который разрушили много лет назад. Но я его помню.

Он взял в руки свиток, который подала ему Линь, и приготовился читать.

— Слушай, — сказал Сюаньцзан.

Первые переводы были простыми. «Древо судьбы растёт из иглы. Первая ветвь — к духам предков — требует шёлка цвета высохшей крови». Линь кивала, делала пометки на

листе грубой бумаги. «Вторая ветвь — к драконам Восточного моря — требует нитей из чешуи карпа, выловленного в полнолуние. Третья — к западным землям — должна быть выполнена золотым шёлком, вплетённым в молитву на языке огня».

Но когда монах дошёл до четвёртой ветви, его голос дрогнул.

— Это... странно, — сказал он. — Здесь написано не о мире, а о якоре. «Каждая большая ветвь удерживается живым якорем. Тот, чьё имя вплетено в якорь, будет связан с деревом навечно. Если дерево завершится, якорь умрёт».

У Линь пересохло во рту. Она хотела спросить: «Кто умрёт? Как?», — но слова застряли где-то в груди, там, где сердце билось слишком быстро, слишком гулко.

— Читайте дальше, — попросила она.

— Дальше рецепты, — сказал монах. — Пять цветов шёлка. Пять миров. Но один ещё не назван. Не пугайся раньше времени, мастерица. Может быть, якоря — это просто камни. Или узлы. Древние любили тёмные метафоры.

Линь не поверила ему. Она уже чувствовала, как «Нити Судьбы» тянутся к чему-то внутри неё — к тому, чего она не понимала.

Она начала вышивать в тот же день после полудня.

Первое, что она сделала, — выбрала основу. Не обычный шёлк, а «лунное стекло». Такая ткань стоила очень дорого.

Её принесли из императорских хранилищ в ларце из сандалового дерева, и госпожа Лу отдала Линь ключ от него с лицом матери, провожающей сына на войну. Когда Линь в первый раз коснулась её кончиками пальцев, то невольно вздрогнула: шёлк был холодным, почти ледяным, и от него исходила вибрация, похожая на отдалённый звон колокольчика.

Линь расправила «лунное стекло» на раме. Пальцы её дрожали от волнения. Тысяча миров, которые она вышьет. Тысяча дорог, которые начнутся под её иглой.

Она взяла красный шёлк — первый, для ветви предков, — и вдела его в иглу.

Когда остриё коснулось ткани, Линь почувствовала, как мир вокруг неё изменился.

Воздух словно стал плотнее. Звуки — голоса вышивальщиц, шорох ножниц, крики павлинов в императорском саду — стали далёкими, словно их накрыли ватой. Осталась только она, игла и шёлк. И песня каждой нити, которых она касалась.

Красная нить пела о крови. Не о той, что льётся из раны, а о той, что течёт в жилах поколений. Линь видела лица людей, которых никогда не встречала: прабабку, вышивавшую для первого императора Тан; прадеда, казнённого за стихотворение, которое он не писал. Пальцы двигались сами — стежок за стежком, узел за узлом.

Она не заметила, как прошёл час. Не заметила, как по её

лбу покатился пот — холодный, липкий, неестественный для летнего дня. Не заметила, как её сердце пропустило один удар.

— Остановись! — рука старшей мастерицы легла на плечо Линь, и та дёрнулась, словно её разбудили от глубочайшего сна. — Ты вся белая, девочка. Посмотри на свои пальцы.

Линь опустила взгляд. Кончики её пальцев — те, что держали иглу, — почернели, будто их окунули в тушь. Не больно, но страшно.

— Это нити берут твою жизнь, — сказала госпожа Лу. — Я же говорила.

Линь вытерла пальцы о тряпицу. Чёрный цвет не сходил — он словно вьелся в кожу, как татуировка, которую делают насильно.

— Но твой узор получается, — сказала госпожа Лу, глядя на вышивку. И действительно, ветвь предков уже росла на «лунном стекле», красная и пульсирующая, как живая артерия.

— Посмотри, — удивлённо продолжала госпожа Лу, — она как настоящая!

Линь работала до заката. А когда солнце скрылось за стеной императорского дворца, она отложила иглу и вышла во двор с гранатовым деревом.

Ноги подкашивались от усталости. Голова кружилась, а в ушах всё ещё звучала песня красного шёлка — низкая, густая, как патока. Она прислонилась к стволу граната и за-

крыла глаза.

И в этой темноте, между одним ударом сердца и следующим, она увидела его.

Глава 2. Встреча на Шелковом пути.

Он стоял на базаре в Турфане два года назад. Турфан. Город, выжженный солнцем до цвета старой кости, где даже тени казались сухими и ломкими. Линь помнила, как её пальцы — привычные к прохладной влажности шёлка — впервые коснулись верблюжьей шерсти, пропитанной запахами пустыни. Она приехала с караваном императорских вышивальщиц, чтобы обменять шёлк на индийские красители: лазурит, киноварь, индиго, корень марены. Остановилась в караван-сараяе «Врата ветра» — двухэтажном здании из необожжённого кирпича, где каждую ночь кто-то лежал без сна, кто-то молился, а кто-то тихо плакал, вспоминая дом.

Линь помнила всё — каждую складку его парчового халата цвета потускневшей охры, расшитого цветами и птицами с распахнутыми крыльями. Помнила его лицо: смуглое, овальное ветрами Шёлкового пути, с высокими скулами и тёмными, почти чёрными глазами, в которых горели искры — не золотые, как у неё, а медные, как монеты на весах менялы.

Он был выше любого китайца, которого Линь знала. Широкие плечи, длинные руки, пальцы в перстнях — нефрит, бирюза, сердолик. От него пахло перцем и дорогими благовониями: мускусом, чьи зёрна он носил в расшитом шёлком

мешочке на шею, чтобы аромат пропитывал одежду, сандаловым маслом, которое он тонким слоем наносил на виски и запястья перед торгом, белым шафраном, чьи рыльца он разжёвывал с финиковой пастой, чтобы ароматное дыхание смешивалось с пряным запахом нарда. И ещё от него пахло верблюдом, дорогой, ветрами далёких земель.

Она торговалась тогда с продавцом синего индиго для шёлковых нитей. Купец заламывал цену в десять раз выше настоящей, потому что видел перед собой молодую девушку, да ещё и без охраны. Линь уже потеряла надежду сбить цену, когда рядом раздался голос — низкий, хрипловатый, словно с улыбкой в каждом слове:

— Господин Абдулла, если ты продолжишь обманывать эту юную госпожу, я расскажу твоей жене о той рабыне из Хотана.

Купец усмехнулся в бороду. — Дорогой Фархад, — сказал он таким же шутливым тоном, — из уважения к тебе я готов продать мой товар этой молодой госпоже за ту цену, которую она сама назначит, да хранят её боги! Он скинул цену на индиго, которую выбрала Линь, и добавил ещё в подарок горсть кардамона. А Фархад повернулся к Линь и поклонился — не по-китайски, а по-согдийски, положив правую руку на сердце, левую — на лоб.

— Простите мою прямоту, госпожа. На базарах Турфана выживают только те, кто умеют говорить громко и пахнут чесноком. А вы слишком тихая и слишком хорошо пахнете

далёким Чанъанем.

Линь тогда рассмеялась — впервые за год. Она спросила, откуда он знает запах Чанъаня. Фархад ответил, что торговля шёлком — это искусство распознавать запахи: шёлк из Чанъаня пахнет ладаном и грушами, шёлк из Самарканда — полынью и бараньим жиром.

Он говорил и говорил, и каждое его слово падало в душу Линь, как камешек в глубокий колодец — с долгим эхом. Она не могла отвести глаз от его рук, когда он жестикулировал, рассказывая о Пути. Пальцы длинные, коричневые от загара, усеянные тонкими шрамами — ножи, верёвки, крышки сундуков. Купец. А может быть, разбойник. Но глядя на его улыбку — широкую, с чуть выпирающими клыками, — Линь думала только о том, что хочет вышить его портрет. Никогда прежде она не хотела вышивать ничьё лицо.

— Как тебя зовут, тихая госпожа из Чанъаня? — спросил он под конец их беседы, когда солнце уже садилось, и базар начал затихать.

— Линь Мэйхуа, — ответила она, и её имя прозвучало в сумерках как стежок серебряной нитью по чёрному шёлку.

Он повторил его трижды — «Мэйхуа, Мэйхуа, Мэйхуа» — на свой согдийский лад, с придыханием на второй гласной.

— Сливовый цветок, — перевёл он. — В Самарканде есть сад, где цветут сливы. Если когда-нибудь ты захочешь увидеть мир за пределами Чанъаня, ищи в Самарканде дом с

красной дверью, на которой нарисована золотая лиса. Это мой дом.

Линь открыла глаза.

Она стояла под гранатовым деревом, и ветер колыхал её распущенные волосы. Сердце билось так сильно, что она слышала его в горле. Ладони горели — теперь не от вышивки, а от памяти.

Она коснулась амулета под халатом — согдийской монеты с изображением крылатого быка, которую Фархад вложил ей в руку в день отъезда. Монета была холодной, но когда Линь сжимала её в кулаке, медь нагревалась, словно отвечая на тепло её пальцев.

— Ты далеко, — прошептала она в пустоту. — Может быть, уже не помнишь меня. Может быть, нашёл другую, смуглую, с глазами цвета бирюзы. Но я помню. И эти нити, которые я вышиваю... Они пахнут тобой. Перцем и сандалом. Почему?

Ветер не ответил. Только гранатовое дерево уронило один лепесток на её плечо. Лепесток был красным, как шёлк ветви предков.

Линь вернулась в мастерскую и продолжила вышивать. Но теперь, когда игла входила в ткань, она думала не об отце, а о согдийце с медными искрами в глазах. И это было опасно. Потому что «Нити Судьбы» слышат мысли. И они запоминают тех, кого любят.

После той первой встречи на базаре Линь думала, что больше его не увидит. Купцы такого уровня — согдийские аристократы, владельцы караванов из сотни верблюдов — не останавливаются в обычных караван-сараях. Но на второй вечер, когда Линь вышла во внутренний сад, в прохладу свежего ветерка, он уже сидел на каменной скамье под фисташковым деревом.

На Фархаде был длинный халат из небелёного шёлка — дорогого, но уже запылённого дорогой. Широкий кожаный пояс поддерживал кинжал в серебряных ножнах и маленький кошель, туго набитый монетами. Сапоги из красной юфти были сбиты по краям, но подошвы — новые. Он смотрел на заходящее солнце и что-то тихо напевал на своём языке — звуки гортанные, с долгими «а» и резкими «х», как ветер, который бьётся о скалы.

— Ты меня ждал? — удивлённо спросила Линь, остановившись на дорожке.

Фархад повернул голову и улыбнулся — той самой широкой улыбкой, от которой у Линь теплело в груди.

— Я жду ветра, который принесёт прохладу, — сказал он. — Или девушку, которая пахнет хризантемами. Ты оказалась быстрее ветра.

Линь села рядом — на расстоянии вытянутой руки, как требовал обычай. Но Фархад подвинулся ближе, и она не отодвинулась.

— Не бойся, — сказал он, заметив её напряжение. — В Самарканде мужчины и женщины сидят рядом. И даже держатся за руки. Небо от этого не падает, поверь.

— В Чанъане небо падает за меньшее, — ответила Линь, но убрала руку с пояса, где висели ножницы. Не оружие — рабочий инструмент, но в темноте всё едино.

Они молчали. Фисташковое дерево роняло сухие листья, и каждый лист, падая на землю, издавал шелест, похожий на шёпот. Линь слушала этот шёпот, а Фархад смотрел на звёзды, которые в Турфане были крупнее и ярче, чем в Чанъане, словно кто-то протёр тусклые стёкла между миром людей и небом.

— Ты когда-нибудь думала, что звёзды — это огни в окнах других миров? — спросил он вдруг.

Линь подняла голову. Ночное небо над Турфаном было глубоким, почти фиолетовым, и звёзды в нём не мерцали, а горели ровно, как масляные лампы.

— Нет, — честно ответила она. — У нас в Чанъане звёзды закрыты дымом. Мы видим только Луну.

— А согдийцы верят в Пять Тысяч Миров, — сказал Фархад. — Не четыре, не тысяча, а именно пять тысяч. Число совершенное, потому что на пяти пальцах руки — это все узлы, которые ты завяжешь за жизнь. Каждый мир — как узел на нити. И нити эти тянутся между звёздами, связывая всё живое.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.